

Автор рецензируемого словаря (далее SEJL) Войцех Смочиньский – профессор индоевропейского языкознания Ягеллонского университета, автор многочисленных работ в области балто-славянского и индоевропейского языкознания. Его труды отличаются строгостью и изощренной техникой анализа, высокой филологической культурой и большой лингвистической эрудицией, а также, в небольшой степени, полемическим настроем, готовностью, следуя своей логике анализа фактов, подвергнуть ревизии не только отдельные этимологии или положения сравнительной грамматики, но и целую научную традицию. Для настоящей рецензии существенно, в частности, направление исследований Смочиньского, в основе которого лежит мысль о том, что в компаративистике с давних пор сохраняются заблуждения относительно исключительной архаичности литовского языка: она видится ему сильно преувеличенной [Smoczyński 2000: 172–173].

Новый труд, фактически двухтомный (с учетом Указателя), стал закономерным следствием не только исследовательской, но и пе-

дагогической – тоже очень плодотворной – деятельности Смочиньского. Как следует из пояснений в кратком Предисловии (с. VII–IX), SEJL представляет собой развернутый вариант Малого литовского этимологического словаря того же автора, собственно, учебного пособия для студентов-литуанистов. Этим объясняется ряд отличий SEJL от широко известного классического труда Э. Френкеля – «Litauisches etymologisches Wörterbuch» (LEW), опубликованного в 50–60 гг. XX в. В отличие от специалистов, уже успевших записать LEW в устаревшую литературу, Смочиньский ничего не говорит о его устарелости, но, напротив, весьма скромно указывает, что SEJL не претендует на равенство с LEW, содержащим обширную библиографию и продолжающим оставаться надежной основой для дальнейших исследований.

В SEJL подобная библиография действительно отсутствует. Тем не менее словарь предваряется довольно представительным списком использованной литературы преимущественно последних лет. И конечно, труд Смочиньского фактически констатирует дав-

но произошедшее завершение «френкелевского» этапа развития литовской этимологии и до известной степени суммирует достижения «послефренкелевского».

Наиболее заметная примета последнего – последовательно применяемая Смочиньским индоевропейская реконструкция с использованием трех ларингальных. Следует заметить, что он посвятил очень многие свои труды (включая две монографии) ларингалистической ревизии балтийской и балто-славянской реконструкции. Приметами новизны в сравнении с LEW в рецензируемом словаре является установка на лексемную, а не корневую этимологию, отказ от апеллирования к расширителям корней. Важным и заслуживающим всяческого внимания новшеством этимологического словаря является продуманный и эффективный аппарат описания словообразования, морфо(но)логии, а также процессов переосмыслений и переразложений («*geapaliza*»), для чего вводятся понятия «*neopierwiasiek*» (корень, возникший вследствие действия указанных процессов, «неокорень»), «*neosnawa*» («неоснова»), «*neosuffiks*» («неосуффикс») и др. Этот аппарат, снабженный множеством удобных сокращений, во многом обеспечивает характерные для словарных статей SEJL экономные и в то же время содержательные описания целых лексических гнезд с производными и сложениями, в чем видится одно из несомненных достоинств словаря, удачно сочетающего полексемный и гнездовой подходы к материалу. Входящие в гнездо слова подаются упорядоченным образом, снабжены указаниями на соответствующий морфо(но)логический тип или парадигму и, при необходимости, указаниями на внелитовские этимологические соответствия. Так, в статье, посвященной литов. *mèsti, metù* 'бросать, бросить', после описания семантики глагола и указания основных соответствий (в латышском, славянских и латинском языках) приводятся – также с указанием значения, а в ряде случаев еще и синонимов и других попутных фактов – сложения с превербами, в том числе для рефлексива *mèstis*; итератив *metinėti*; однокоренные имена с *met-*; образования с «неокорнями» *mes-* (на основе инфинитива), *mest-*; с продленной ступенью *é* в корне; со ступенью редукции *mit-/mut-* и т.п., в общей сложности намного более сотни слов. Следует заметить, что словарь В. Смочиньского почти не содержит сведений нелингвистического характера.

Словник SEJL не ограничен современным литературным языком, но включает также диалектные, редкие и старолитовские слова, привлекаемые в зависимости от возможности из-

влечь из них лингвистически ценные сведения. Неоценимым подспорьем при этом оказывается *Lietuvių kalbos žodynas* – завершённый в 2002 г. двадцатитомный словарь, дающий несравненно более полное, нежели это было возможно в LEW, представление о литовском лексиконе.

Не удовлетворяясь существующими объяснениями, В. Смочиньский чаще, чем в LEW, прибегает к резюме «неясно», «без этимологии». Вместе с тем, читатель нового словаря обнаружит немало этимологических новшеств, относящихся к разным срезам (пред)истории литовского языка. Эти новшества слишком многочисленны, поэтому перечислить все не представляется возможным.

В Предисловии к словарю имеется пассаж, который представляется актуальным не только для этого труда: «Ввиду наблюдаемого повсюду отхода от исследований по историческому языкознанию не приходится сетовать на состояние литовской исторической лексикографии. Известно, что качество этимологического словаря определяется не столько компетенцией его автора, сколько количеством и качеством работ, подготавливающих почву для подобного синтеза» (с. VIII–IX), т.е. трудов по отдельным разделам лексикона (фитонимы, зоонимы и проч.) и сравнительно-исторических описаний морфологии и словообразования. По мнению автора SEJL, все это пока лишь децидидераты литовской лексикологии и этимологии.

Представляется, что уже в силу накладываемых на SEJL сознательных ограничений этот словарь оставляет определенное поле для вопросов и ремарок.

Ясно, что от SEJL нельзя требовать наличия всех литовских слов. Встречаются, однако, пропуски, достойные сожаления. Отсутствуют, например, интересные в разных отношениях слова *lūknė* 'кубышка (водное растение)', *šeivà* 'цевка'. Последнее анонсировано в Указателе при форме *šaivà*, но соответствующей словарной статьи нет.

В отношении библиографии (по сути – учета релевантных для литовского этимологического словаря достижений исторической лингвистики) следует заметить, что хотя бы минимум ее мог быть введен в текст словаря, как это сделано, например, в последних переизданиях немецкого этимологического словаря Ф. Клюге (под редакцией Э. Зеебольда). Это дало бы между прочим возможность лучше оценить этимологическую новизну SEJL. Соглашаясь, например, с приводимой в SEJL этимологией литов. *ragauti* 'пробовать' от *rāgas* 'рог', хотелось бы видеть указание и на ее автора, каковым в данном случае является Б. Егерс (что отражено в LEW). Его труды,

высоко оцененные в свое время в балтистике [Топоров 1963: 257–258], особенно монография «Verkannte Bedeutungsverwandtschaften baltischer Wörter», широко используемая в LEW, отсутствуют в списке литературы к SEJL.

Даже при беглом взгляде на этот список нельзя не заметить в нем пробелы, представляющиеся существенными. Так, минимальная литература, касающаяся проблематики балто-прибалтийско-финских (-финно-угорских, -уральских) связей, и есть основания думать, что в SEJL недостаточно учитывается взгляд на эту проблематику с «уральской» стороны. Этимологическая (лингвистическая) литература на кириллице представлена только словарем прусского языка В.Н. Топорова, этимологическим словарем славянских языков под редакцией О.Н. Трубачева, а также этимологическими словарями украинского и белорусского языков, издаваемыми в Киеве и Минске. Эти труды, при всей их важности, далеко не исчерпывают всех релевантных для балтистики достижений «кириллической» этимологии (не говоря об акцентологии, диалектологии и др.), в том числе соответствующих этимологий В.Н. Топорова и О.Н. Трубачева. Получается, например, что балто-славянские лингвогеографические штудии А.П. Непокупного не представляют для современного литовского этимологического словаря интереса, как и, скажем, обширная литература, посвященная одному из наиболее перспективных направлений славистики – изучению древненовгородского диалекта и его связей.

Сказанное касается отнюдь не только литературы на кириллице, но говорить здесь об этом нет возможности.

SEJL несомненно является большим вкладом в балтийское и славянское языкознание. Балто-славянские лексические схождения подаются весьма четко. Но все же хотелось бы видеть более эксплицитное отражение достижений этимологии и лингвогеографии, касающихся установления диалектных связей между отдельными частями балтийского и славянского ареалов (балто-южнославянские изоглоссы и др.). Спорадическое приведение в статьях SEJL балтизмов славянских и прибалтийско-финских языков, по-видимому, не в полной мере позволяет использовать балтизмы как существенный ресурс балтийской этимологии, дающий сведения, непосредственно не сохранившиеся в литовском, латышском и прусском языках.

Ввиду вынужденно ограниченного объема данной рецензии, при обращении к конкретным статьям SEJL приходится остановиться главным образом на тех из них, где наглядно

проявляются упомянутые выше пробелы в библиографическом списке словаря.

ar̃das, ar̃daĩ мн. ‘жерди, на которых развешивают лен для просушки’ – при объяснении отношений с близкими по значению русск. диал. (северо-запад) *арда, арды*, карел. *ardo* принимается, что литовское слово, а также лтш. *ārds, ārdi* мн. – из русск. < карел. Однако эта точка зрения устарела. Только так: русск. < п.-фин. < балт. [SSA 1: 48–49; МФУСЗ 1: 28].

bandà – при этимологическом разделении на омонимы значений ‘стадо’ и ‘булка и т.п.’ не учитываются балтизмы. Зафиксированное в Полесье *бонда* ‘корова (как приданое)’ и старопольск. (в Литве) *bonda* ‘приданое в виде коровы и пары овец’ наряду с аналогиями вроде русск. диал. *корówka* ‘обрядовое печенье в форме коровы’ позволяют уверенно говорить о генетически едином *bandà* ([Непокупный 1976: 190–191]; следует напомнить, конечно, и о русск. *коровáй* от *коровá*).

bēbras ‘бобр’ – «славянский обнаруживает неожиданный вокализм -o-, ср. русск. *бобр* и др. Ничего не говорится о хорошо известных формах с вокализмом -e- (**bebrъ*), которые представлены в южнославянском и древненовгородском, встречаются в западнославянском, в славянской топонимике. С учетом реконструкции **b^heb^hru-* стоило бы уточнить, что в славянском исходная основа на -й-.

burnà ‘рот, лицо’ – даются индоевропейские соответствия и реконструкция **b^hrH-néh₂-*, но почему-то нет славянских данных – болг. диал. *бърна* ‘губа’ и др. Если они отклоняются, то почему?

dvīnas ‘близнечный’ – стоило бы привести и прокомментировать сравнение литов. *dvynai*, лтш. *dvīņi* ‘близнецы’ со старорусским (Р. Джемс) *брат двина* ‘единоутробный брат’ (см. подробнее [Откупщиков 2001: 57]).

giñtaras ‘янтарь’ – разочаровывает упоминание русск. *янтарь* и связанных с ним проблем.

Grýva (гидроним в Жемайтии) – возможно, не стоило проходить мимо лтш. диал. *grīvis* ‘грубая длинная трава’, *grīva* ‘осока’, *grīvja zāle* ‘грубая трава в затопляемых местах’. Эти факты реализуют установленный на славянском материале известный принцип (Н.И. Толстой) обозначения сена, травы по месту косьбы. Лтш. *grīv-* фактически обозначает не только устье, но и берег реки. Эти и другие данные, в частности, блр. диал. *grýva* ‘отмель при слиянии двух рек’ (И.Я. Яшкин), подробно анализировавшиеся А.П. Непокупным [Непокупный 1976: 60–64] и Л.Г. Невской [Невская 1977: 29], могли бы существенно уточнить картину связей литов. *Grýva*, предлагаемую в SEJL.

jūra ‘море’ – выводится из и.-е. **H₁u₁r-*, начальный *j-* объясняется влиянием рефлекса

Heuh₁r-* в литов. *jaura* ‘подзол’, *jaura(s)* ‘топь’. Считающееся иногда балтизмом фин. *järvi* ‘озеро’ не упоминается, но это не повод для упрека. Однако стоит учесть, что в данных субстратной топонимии Русского Севера имеется основа *ягр-* (наряду с *явр-*, *явр-*) < **ja(ä)gr* или **ja(ä)γr* ‘озеро’, сохраняющая **g* ~ **γ*, утраченное вследствие развития **g*/γ* > **w* (**v*) или *ø* в прибалтийско-финско-саамско-волжских соответствиях типа фин. *järvi* (с метатезой [Матвеев 2002]) и позволяющая ставить вопрос о том, что в случае с литов. *jaura(s)* и, возможно, *jūra*, лтш. *jūra* и т.п., имело место древнее заимствование, и балтийский был реципиентом. В пользу такого решения высказался Е.А. Хелимский (устное сообщение 6 октября 2007 г.).

kadagys ‘можжевелник’ – «без хорошей этимологии». Непонятно, почему неприемлемо объяснение (впервые – Е.Н. Сетэлэ) литовского слова, а также лтш. *kadegs*, *kadags*, прусск. *kadegis* как заимствований из прибалтийско-финского. Такое заимствование поддержал В.Н. Топоров, дав подробнейшее обсуждение проблемы в своем прусском словаре [ПрЯз 3: 115–117].

kañklės ‘музыкальный инструмент’ – не упоминается точное соответствие в кельтском – др.-ирл. *cétál* ‘пение’ (< **kantlon*) и т.п. Между тем, данная параллель подтверждает также, что приводимое в SEJL фин. *kantele* – балтизм и что заимствование из прибалтийско-финского в балтийский исключено [Топоров 1973: 150–151].

krañtas ‘берег’ – сравнение с литов. *kristi*, *krintù* ‘падать’ выдвинуто довольно давно О.Н. Трубачевым [Трубачев 1980: 6–7], обосновавшим неправомочность привлечения (поддерживаемого в SEJL) русск. *крутой*, польск. *kręty* и т.п.: значение ‘отвесный, обрывистый’ – инновационное, исходно ‘извилистый, крученый’, ср. польск. *Zakręt* как название изгиба реки Вилии в Вильнюсе, литов. *Vingis*. Сказанное, кстати, не влияет на понимание фин. *ranta* ‘берег’ (не упоминаемого в SEJL) как балтизма.

laikyti ‘держатъ’ – сравнение со слав. **lěčiti* ‘лечить’ недоказуемо (и едва ли целесообразно) ввиду не упоминаемых в SEJL, но хорошо известных германских связей слав. **lěčiti*, **lěka* ‘лекарство’, ср. гот. *lēkeis* ‘врач’ и т.п.: в славянском, скорее всего, германизмы [ЭССЯ 14: 192–193].

lokys ‘медведь’ – «неясно». «Достойный внимания», согласно SEJL, балтийский этимон **lāk-iia-* не объясняет отношения к цитируемым здесь же прусск. *clokis* ‘медведь’, гидрониму *Tlocum(n)pelk*. Вне поля зрения SEJL остается вся проблематика, связанная с явной необходимостью реконструкции анлаутного **tl-*, о котором писалось в связи с названием медведя многократно (Бецценбергер, Миккола, Френкель, Станг, Кипарский и др.); по-

дробнейшее обсуждение см. у В.Н. Топорова [ПрЯз 4: 69], в том числе в связи с судьбой **tl-* в славянских языках. Ср. правдоподобные параллели балт. **tlākja-* ‘медведь’ (= ? ‘косматый’) в слав. **dlakā* ‘шерсть зверя’, **vykodlak* ‘оборотень’, русск. диал. *волколák*, чеш. *vlkodlak* и др., сюда же (?) старопольск. *kłaki* ‘космы, клочья, пакля’ [Зализняк 1986: 122].

lunkas ‘лыко’ – сравнение со слав. **lyko* отклоняется, поскольку «славянский не знает **lōkū* < **lunkas*, а литовский не знает **lūkas* в значении ‘лыко’». Не вдаваясь в подробности, можно лишь напомнить, что этимологическое разъединение славянских и балтийских фактов в данном случае «...связано с несравненно большим риском (и последующими сложностями в объяснении деталей), нежели... сохранение точки зрения на них как на отражение общего для них исходного прототипа» [ПрЯз 8: 413].

niūta ‘наем, аренда, прокат’ – выводится из **nuoīma* < **niūo-ima* (к *nusiimi* ‘беру себе’), с выпадением *i*. Обычное отнесение литовского слова (и лтш. *nota*) к семье лтш. *ņemt*, диал. *ņemt* ‘брать’ отклоняется, видимо, из-за указываемой в SEJL славянской аналогии – **naītmī*, русск. *наём*. Однако подлинное славянское соответствие иное, и оно не отражено в SEJL, хотя теперь хорошо известно – др.-новг. *намъ* ‘проценты, лихва’ (с XI в.), убедительно истолкованное не как балтизм, а как продолжение праслав. диал. **namъ* [Зализняк 1986: 166; ЭССЯ 22: 193–194]. Древность рассматриваемого материала подтверждает авест. *nəmah-* ‘ссуда’, ‘приношение’ [Патри 2003], что также осталось вне поля зрения SEJL.

oda ‘кожа’ – предполагается этимон **Heh₂d^(h)-eh₂-* или **Hoh₂d^(h)-eh₂-*. Поскольку он имеет гипотетический характер, интересна возможность пересмотра отношений литов. *oda*, лтш. *āda* и не упоминаемого в SEJL фин. *vuota* ‘шкура (снятая)’. Согласно Е.А. Хелимскому, *vuota* не балтизм, как принято считать, а продолжение п.-фин. **wōta* < **ōta* < финно-угр. **ōd’a* ‘(сырая) шкура’ < уральск. **ōd’a* ‘плоть’, ср. самодийск. **ājā* ‘плоть, кожа, шкура’ [Helimski 2007]. Балт. < ? п.-фин.

treigys ‘трехгодовалое животное’ – выводится из **treikys* с озвончением -*k*-. Чем данная этимология лучше сравнения *treigys* с др.-русс. *тризь* ‘трехгодовалое животное’, русск. *тризна* (О.Н. Трубачев, см. [Топоров 1979])? Вызывает сомнения и предлагаемая в SEJL этимология *dveigys* ‘двухгодовалое животное’ < **dveikys*.

žviřgždas ‘крупный песок, гравий’ – на основании известного сравнения с с.-хорв. *zvrst* ‘крошащийся камень, добавляемый в глину гончарами’ реконструируется слав. **zvrstū*. Не учитываются русск. диал. (преимущественно на северо-западе, со множеством вариантов)

гверста 'толченый камень, щебень' и возможность праслав. *gv- [Зализняк 1986: 113].

Литовский словарь Э. Френкеля (LEW) весьма полно отражал достижения литуанистики / балтистики, накопленные к середине XX в. Словарь В. Смочиньского является скорее суммированием его собственных исследований по литовской этимологии, а также исследований ученых, близких ему по научным взглядам. Разумеется, он имеет на это полное право. Одной из наиболее важных задач словаря стал пересмотр корпуса индоевропейских этимологий литовского языка с позиций ларингальной теории. Как можно судить по SEJL (и не только по нему), подобный пересмотр обнаруживает определенные издержки: не всегда эффективное усложнение реконструкции и ослабление внимания к доказавшим свою значимость аспектам этимологического исследования – лингвогеографии, диалектным, семантическим и т.п. особенностям слов, изоглоссным связям, увязке языковых данных с данными этнической истории (древних контактов), проблеме «Wörter und Sachen». Не приходится говорить об акцентологической проблематике, которая трактуется в SEJL исключительно с позиций ларингалистики. В то же время, использование в SEJL аналитического аппарата для описания лексических гнезд оставляет место для сомнений: не теряются ли за допускаемыми в словаре комбинаторными фонетическими изменениями, «неокорнями» и «неоосновами» архаические черты? Иногда за деревьями не виден лес.

Нет, однако, сомнений в том, что публикация SEJL – событие (с большой буквы) литовского языкознания. Важность этого труда трудно переоценить. Словарь несомненно станет настольной книгой всякого специалиста, интересующегося происхождением литовской лексики. Прделав огромную и филигранную по технике исполнения работу, В. Смочиньский сумел подготовить достаточно компактный и вместе с тем содержательный труд, насыщенный обширным и аккуратно изложенным материалом. Полиграфически книга выполнена на весьма высоком уровне. Радует плодотворное сотрудничество польской и литовской балтистики: SEJL написан по-польски, но издан в Вильнюсе и имеет гриф филологического факультета Вильнюсского университета. Книга посвящена памяти великого литовского языковеда К. Буги. Автора SEJL можно поздравить с большим и заслуженным успехом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Зализняк 1986 – А.А. Зализняк. Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения // В.Л. Янин, А.А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1977–1983 годов. М., 1986.
- Матвеев 2002 – А.К. Матвеев. Субстратные лимнонимы Русского Севера и происхождение названия озера в финских языках // Финно-угорское наследие в русском языке. Екатеринбург, 2002.
- МСФУСЗ 1 – Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера. Вып. 1. (А–И). Екатеринбург, 2004.
- Невская 1977 – Л.Г. Невская. Балтийская географическая терминология. М., 1977.
- Непокупный 1976 – А.П. Непокупный. Балто-северно-славянские языковые связи. Киев, 1976.
- Откупщиков 2001 – Ю.В. Откупщиков. Очерки по этимологии. Л., 2001.
- Патри 2003 – С. Патри. НАМЪ: новая славяно-иранская лексическая изоглосса // ВЯ. 2003. № 4.
- ПрЯз – В.Н. Топоров. Прусский язык. Словарь. Т. 1 (А–D), 2 (E–H), 3 (I–K), 4 (K–L), 5 (L). М., 1975–1990.
- Топоров 1963 – В.Н. Топоров. Исследования по балтийской этимологии (1957–1961) // Этимология. Исследования по русскому и другим языкам. М., 1963.
- Топоров 1973 – В.Н. Топоров. Из индоевропейской этимологии // Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков. М., 1973.
- Топоров 1979 – В.Н. Топоров. К семантике троичности (слав. *trizna и др.) // Этимология 1977. М., 1979.
- Трубачев 1980 – О.Н. Трубачев. Из балто-славянских этимологий. Этимология 1978. М., 1980.
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Вып. 1–. М., 1974 –.
- Helimski 2007 – E. Helimski. Marginalia ad UEW. Notizen eines ständigen Benutzers und harten Kritikers zu K. Rédei's «Uralisches Etymologisches Wörterbuch». Hamburg (неоконченная рукопись, готовится к публикации; см. на сайте www.helimski.com).
- Smoczyński – W. Smoczyński Litewskie wyrazy typu *iñdas*, *āpstas* oraz typu *sañdas* // Балто-славянские исследования 1998–1999. М., 2000.
- SSA 1 – Suomen sanojen alkuperä. Etimologinen sanakirja. A–K. Helsinki, 2001.

А.Е. Аникин